

ДРЕВНЕЙШЕЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ И ГРЕКО-РИМСКОЕ ВЛИЯНИЕ: культурно-исторические аспекты*

А.Ю. Митрофанов

История развития древнейшего пласта памятников армянского церковного права немыслима без глубокого понимания той роли, которую играло в этом развитии влияние памятников греко-римского права. Утратив собственную государственность, армянские христиане оказались к середине V столетия перед необходимостью рецепции определенных норм греко-римского права, первоначально исключительно церковного. Осознать и оценить без преувеличений степень этого влияния позволяет исследование таких ключевых культурно-исторических аспектов развития древнейшего армянского права, как созыв Шахапиванского собора и рецепция правил греческих поместных соборов Малой Азии в рамках перевода «Понтийского сборника» на древнеармянский язык.

24 июня 444 г. епископат, духовенство Армянской Церкви, а также знатнейшие представители мирян съехались на Второй национально-церковный собор в городок Шахапиван (область Багреванд). Указанное событие, бесспорно, во многом стало ключевым для последующего развития церковного устройства Армянской Апостольской Церкви. Как отмечал в связи с этим С. Аревшатын, «тайный созыв собора, его представительный состав, содержание рассматриваемых вопросов, добровольная готовность участников собора подчиниться установленным канонам и длительная действенность этих канонов свидетельствуют, что Шахапиванский собор среди других армянских национально-церковных соборов являлся самым важным, первым общенациональным собором»¹.

Действительно, положение христиан в Армении накануне собора представлялось достаточно сложным. До тех пор пока Армянская Апостольская Церковь оставалась (до 372 г.) под омофором Антиохийской Церкви, наличие центра власти, располагавшегося на территории Римской им-

перии, обеспечивало постоянную каноническую связь армянских христиан с остальной ойкуменой. Ярким проявлением такой связи стал созванный в 354 г. католикосом Нарзесом Великим первый поместный собор Армянской Церкви в Аштишате, отвергший торжествовавшее тогда в Римской империи арианство. Однако после раздела Армении между империей и персами в 387 г. большая часть армянских территорий, управлявшаяся последними отпрысками династии Аршакидов, оказалась в зависимости у персов, а затем в 428 г. в царствование царя Арташеса вовсе утратила самостоятельность. Положение Армянской Церкви существенно осложнилось тем, что персы-язычники периодически притесняли христиан, за пределами Сасанидского государства не существовало церковного центра, способного поддержать армянский епископат после принятия Армянской Церковью автокефалии, а патриарший род Григория Просветителя пресекался после кончины католикоса Сахака Великого.

Выдающийся свидетель этих драматических событий Моисей Хоренский так писал о происходившем: «Оплакиваю тебя, Армянская страна, оплакиваю тебя, благороднейшая из всех северных [стран], ибо отняты у тебя царь и священник, наставник и учитель; потревожен мир, укоренился беспорядок, пошатнулась правоверность, невежество утвердило иноверье. Сокрушаюсь по тебе, Армянская Церковь, утратившая красу алтаря, лишённая отважного пастыря и его сподвижника. Не вижу более твое разумное стадо пасущимся на зеленом лугу и у вод отдохновения или собранным в овчарню и защищенным от волков, но [вижу] рассеянным по пустырям и крутизнам гор... Что же служит пеней за все это, как не пренебрежение со стороны Бога и изменение стихиями своих свойств? Засушливая весна, дождливое лето, морозная осень, суровая, вьюжная, нескончаемая зима, бурные, знойные,

* Работа выполнена в рамках проекта «Раннесредневековая география стран Южного Кавказа (Закавказья) и Армянского нагорья» (грант Президента Российской Федерации государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук МД-1664.2012.6).

¹ Аревшатын С. Шахапиванские каноны — древнейший памятник армянского права // Историко-филологический журнал. 1959. № 2–3 (5–6). С. 335.

тлетворные ветры, грозовые, градоносные тучи, несвоевременные, бесполезные дожди, холодный, ледяной воздух, бесплодная прибыль и чрезмерная убыль вод, оскудение плодов земли и убывание скота, к тому же еще трясения и колебания [земли]. Сверх всего этого — смуты со всех сторон, согласно сказанному, что «нет мира нечестивцам». Ибо властвующие цари — жестокие и злобные, налагающие тяжкое бремя и издающие невыносимые приказы; управители — немиротворящие, безжалостные; друзья — изменившие, а враги — обретшие могущество; вера — проданная за суетную жизнь. Разбойники без числа, явившиеся отовсюду; разграбление домов и расхищение имущества; заключение начальников в оковы и знатных в тюрьму; ссылка на чужбину благородных и несчетные беды простолюдинов; взятие городов и разрушение крепостей; разорение аванов и поджог зданий; голод неизбывный, болезни и смерти разноликие; забытое богослужение и ожидание геенны. От этого да оградит нас Христос Бог, вместе со всеми, кто поклоняется Ему в истине; слава Ему от всех творений!»².

По замечанию С. Аревшатяна, Шахапиванский собор созывался в грозной атмосфере тайне от персидского двора и призван был принять решения, во многом необходимые для обновления Армянской Церкви, исцеления ее духовенства от той нравственной и культурной деградации, которая была неизбежна в условиях господства язычников и изоляции от остального христианского мира³. При этом Шахапиванский собор, созданный за пять лет до Эфесского собора 449 г., стал последним крупным событием в истории Армянской Апостольской Церкви, произошедшим в условиях сохранявшегося единства с Православной Кафолической Церковью. Исходя из этого, очевидным представляется, что каноны Шахапиванского собора, определившие на многие века внутреннее устройство и дисциплину Армянской Апостольской Церкви, нуждаются в историко-каноническом сопоставлении с нормами канонического права, которые несколько ранее были выработаны в греко-римском мире. Несомненно и то, что эти нормы в конечном итоге также повлияли на развитие Армянской Церкви, поскольку они были достаточно рано переведены на грабар (вероятно, еще в V в.) и впоследствии помещены в армянскую «Книгу канонов», составленную по повелению католикоса Хованнеса III Одзнецки в 717–728 гг.

Уже в титуле канонов Шахапиванского собора было сказано, что они изданы «в подтверждение и в дополнение к апостольским и никейским канонам». Тем самым собор воспринимался как продолжение общехристианской традиции предшествующего столетия, лежавшей во главе устройства Армянской Апостольской Церкви. Как явствует из текста соборных деяний, подтверждение апостольских и никейских канонов, как и армянских церковных уставов, было предложено съехавшимися на собор нахарарами — представителям светской власти на местах. Далее следовала преамбула, в которой описывались причины созыва собора, в частности упоминалась кончина Сахака Великого и Месропа Маштоца, и указывались его задачи: «Кормчему надобно и достоительно заботиться об исправности судна, примечать стези морские и, пользуясь попутным ветром, плыть по волнам моря. Равно и полководец [должен] всегда выводить на бой войско из отборных мужей и коней, людей вооруженных, коней оснащенных и, уповая [лишь] на битву, выходить победителем и получать венец и славу от царя. Тем более надобно и должно вардапетам, пастырям Святой Церкви, предводителям законов справедливости и непреложных заповедей Бога живого размышлять всегда, денно и ночью? о законах Господа и постоянно украшать в Господе отроков Церкви. После смерти праведных отцов-вардапетов и истинных предводителей-законодателей, в особенности [по смерти] святого первосвященника Саака-католикоса армянского и исполненного духом правдолюбца, вардапета Месропа, просветившего страну армянскую своей проповедью; после их смерти произошло искажение и разложение порядков и законов Святой Церкви, как это ранее узрел в своем видении святой первосвященник Божий Саак, или еще раньше святой Григорий (Просветитель). Размножились погрязшие в скверных деяниях и омерзительных нравах. От охлаждения любви размножилось беззаконие, и некому было рвать плевелы и убирать вредоносную повилику, ибо укоренился пырей и распространился день ото дня. И произошло в стране армянской, в доме Торгома приращение мессальянцев и других нечестивцев: оставляющих жен [своих], блудниц, воров, самовольных, всяких злодеев-совратителей. И наступили скорбь и печаль. А те, что ранее были ревностными вардапетами, епископами, иереями, давшими обет святости, служителями Христа

² *Moise de Khorene. Histoire d'Arménie. T. II. Venise, 1841. P. 194 et seq.*

³ *Аревшатян С. Указ. соч. С. 335.*

и детьми Святой Церкви, а также те, что принадлежали к священническому причету, не шли по праведному пути святости. И главным образом потому, что власть и господство в то время не находились в руках дома Мамиконянов, ибо они укрылись и были покорены и подчинены возвысившимся персидским царством — Вардан Мамиконян со своими сородичами, вместе с братьями, хотя и скорбели, стенали и рычали, подобно львям, но были заперты, словно в клетке, и надеялись [лишь] на помощь свыше. Ибо злонамеренный народ персидский, подозревая и опасаясь, не вручал им власти. И день ото дня созревал замысел, и ночь указывала ночи беспрепятственность дел. Весть поспевала за вестью, от человека к человеку передавалась молва. По единодушному предписанию собирались в назначенное место — Шахапиван, в стан армянских царей, ко времени новогоднего праздника. И это имело место в шестом году царствования персидского царя Иезигерда и марзпанства Васака Сюни в Армении и азарпетства Вагана Амагуни и малхазства Врива Хорхоруни»⁴.

Как доказал А. Мардиросян, редакция вступления к канонам Шахапиванского собора отражает позднюю редакцию «Каноногирка» — «Книги канонов», так как древнейшая редакция, известная в рукописных изводах Матенадарана, отражает иной состав участников соборных заседаний⁵. Однако, несмотря на позднейшую редакторскую правку, очевидно, что каноны Шахапиванского собора в содержательной их части вполне определенно воспроизводят реалии армянской церковной жизни середины V столетия.

В итоге Шахапиванский собор «сорока епископов и множества иереев и диаконов» издал 28 правил, которые были связаны с самыми различными проблемами церковной жизни, в первую очередь с нравственным обликом клира. При этом отличительной чертой законотворческой деятельности Шахапиванского собора стало назначение денежных штрафов в пользу Церкви в качестве наказаний за совершенные грехи. В частности, первый канон Шахапиванского собора налагал на епископа, уличенного «в скверне или в блуде или в каком-либо другом дурном деле», наказание в виде уплаты 1200 драм в пользу Церкви.

По второму канону Шахапиванского собора неженатый иерей за указанные преступления был обязан уплатить 300 драм в пользу бедных, а сам низводился на степень чтеца. Женатый иерей и диакон уплачивали за аналогичные преступления 200 драм, причем низведенный за грехи до степени чтеца извергался с нее в том случае, если продолжал пребывать в грехе. Супруга иерея или диакона, уличенная в прелюбодеянии, подлежала удалению от супруга в том случае, если последний желал сохранить свой сан. Дочери или сыновья иерея или диакона, впавшие в блуд, лишались полагавшейся им доли доходов, взимавшихся с церковного имущества.

Третий канон карал прелюбодеев, каноны с четвертого по седьмой, а также двенадцатый и тринадцатый касались брачного права, каноны с восьмого по десятый были направлены против ворожбы и колдовства, четырнадцатый канон воспрещал клирикам держать экономок, пятнадцатый канон определял правила монашеской жизни, шестнадцатый канон определял обязанности епископов и карал симониаков, семнадцатый канон содержал правила о мощах, восемнадцатый канон определял статус анафемы, налагаемой вардапетами, и, наконец, последние два правила касались клириков, уклонившихся в ересь мессалианства, и епископов, оказывающих им покровительство.

Несмотря на очевидные различия канонов Шахапиванского собора и церковных правил, издававшихся в IV в. соборами архиереев соседних с Арменией малоазийских епархий, практически полностью эллинизированных, нам представляется целесообразным провести сопоставление шахапиванских канонов с правилами, формировавшими в IV–V вв. «Понтийский сборник» и являвшими церковную традицию и дисциплину греческих местных Церквей. Подобное сопоставление тем более актуально, что правила «Понтийского сборника» уже в конце IV в. стали объектом рецепции всей Кафолической Церкви.

Каноны Шахапиванского собора гласили:

1. Если епископ будет уличен в скверне или в блуде или в каком-либо другом дурном деле и тем самым унизит апостольскую честь и святой престол, о таком Писание говорит: сходишься с ворами и с прелюбодеями общаешься, и если это будет установлено показанием, отлучить его от престола и власти и отстранить от священничества, оштрафовать на

⁴ Здесь и далее текст приводится по изданию: *Аревшатян С.* Шахапиванские каноны — древнейший памятник армянского права // Историко-филологический журнал. 1959. № 2–3 (5–6). С. 338–339. Оригинальный текст см.: *Акопян В.* Армянская книга канонов. Т. I. Ереван, 1964. С. 422–466.

⁵ *Mardrossian A.* Le Livre des canons arméniens de Yovhannes Awjnec'I, Eglise, droit et société en Arménie du IVe au VIIIe siècle // *Corpus scriptorium christianorum orientalis.* Subsidia. T. 116. Lovanii, 2004. P. 541, 500–507.

1200 драм в пользу Церкви [и он будет обвинен: «Ибо [он] человек, который в чести и неразумен»] и штраф раздать бедным (ибо он должен «О законе Господа размышлять день и ночь» и «хранить Его заветы» и не сбиваться с пути, а «идти по царской дороге, не отклоняться ни вправо и ни влево», чтобы ученики не восприняли б то же плохое учение).

II. Если священник находится в скверне или блуде или в других дурных делах и дела эти будут выявлены показанием, отстранить его от священничества, оштрафовать на 300 драм и раздать бедным и оставить его в сане чтецов. А если он и в должности чтеца будет предаваться той же скверне, лишит его сана и должности чтеца до исправления покаянием, а епископ, увидев его исправление, может [вновь] ввести его в ряд чтецов (ибо Церкви надобен святой, тем более что Господний алтарь таинства приемлет непорочных, дабы не будить гнева Божия на землю через предводителей).

Если женатый иерей будет уличен в скверне и блуде или в других злых делах и это будет доказано свидетелями, лишит его священнического сана и отвести от церковной доли, оштрафовать на 200 драм для раздачи бедным. Этот канон относится и к иерею и к дьякону. И они [в церкви] должны стоять с воинами, входить в число налогоплательщиков и не смешиваться с церковнослужителями⁶.

Указанные нормы Шахапиванского собора, вероятно, были своеобразным откликом на первое правило Неокесарийского собора, содержащееся в «Понтийском сборнике», которое определяло: «Пресвитер аще оженится да извержен будет от своего чина. Аще же блуд или прелюбодейство сотворит: да будет совсем изгнан от общения церковного и низведен в разряд кающихся»⁷. Таким образом, каноническое право эллинизированных христианских общин в виде «Понтийского сборника» предполагало лишь церковное наказание для грешников в клире, никоим образом не упоминая об их светском положении. Последнее, вероятно, было связано с тем, что на территориях восточных провинций Римской империи в эпоху Константина светское римское право еще сохраняло независимость от христианского влияния, в то время как в Армении, особенно в условиях утраты государственной независимости, Церковь брала на себя часть светских функций, опираясь более тесно на носителей светской власти — нахараров и ишханов.

Далее законодатели Шахапиванского собора продолжали:

А если жену иерея или дьякона уличат в блуде, то пусть они выбирают — или Церковь и священничество или жену. Если выберут священничество, то жену нужно удалить из дома, а на них наложить строгое покаяние. А если дочь священника

будет уличена в блуде, — лишит [ее] доли Церкви, удалить из дома священника и назначить строгое покаяние и наказание. Сыну иерея должно быть назначено то же наказание.

И если умрет иерей, жена [его] не должна выходить замуж, а также иерей [после смерти жены] не должен жениться. И не должно быть служанки-блудницы в доме священника, «ибо это святыня у Господа»⁸.

Данный канон Шахапиванского собора соотносится с «Понтийским сборником» лишь в первой части. В частности, восьмое правило Неокесарийского собора расширяло запрет клирикам на совместную жизнь со своими женами, впадшими в прелюбодеяние, на их жизнь до хиротонии, и гласило: «Аще жена некоего мирянина, прелюбодействовала, обличена будет в том явно; то он не может прийти в служение церковное. Аще же по рукоположении мужа впадет в прелюбодейство, то он должен развестись с нею. Аще же сожительствует: не может касаться служения, ему порученного»⁹. Относительно детей иереев, впадших в блуд, специальных правил в «Понтийском сборнике» не содержалось, а на них распространялись общие правила, применявшиеся к блудникам-мирянам.

III. Если кто-либо имеет жену и прелюбодействует и не хранит свято обет супружества [и венец, который он принял на свою голову от Святой Церкви через священника, и помощницу, выпавшую ему на долю, как писано об этом, что [Господь] дал мужу в помощницы его же жену; об этом же гласит апостол [Павел]: «Брак [у всех] да будет чистен и ложе непорочно», когда сочетаются целомудренно, «блудников же и прелюбодеев судит Бог». И еще: «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена».

Итак, если кто пограл благословенную жизнь и наслаждение, полученные от Святой Церкви в прославление Господа, и осквернил Богом данный благословенный брак, предался блуду и прелюбодеянию и пьянству, такого человека старейшины должны исправлять поркой и назидательными речами и, отлучив от Церкви, оштрафовать в пользу Церкви и раздать бедным (за то, что он опорочил Церковь и осквернил венец благословения). Если он азат и не подлежит порке, увеличить штраф и эпитимию — 200 драм в пользу бедных, 2 года эпитимии и больше не повторять осквернения; лишь после этого он может быть допущен в церковь и к общению с сотоварищами. Если же он шинакан, выпороть порядком, оштрафовать на 100 драм в пользу Церкви и раздать их бедным; через год после того, как он отойдет от скверны, допустить его в церковь и к общению с сотоварищами. Канон этот применяется и к мужу и к жене¹⁰.

Приведенный канон Шахапиванского собора разделял грешников по социальному признаку

⁶ См.: Аревшатян С. Указ. соч.

⁷ Жоанноу Р. *Discipline générale antique*. Т. II, 2. Rome, 1962. P. 75.

⁸ См.: Аревшатян С. Указ. соч.

⁹ Жоанноу Р. *Discipline générale antique*. Т. II, 2. P. 78–79.

¹⁰ См.: Аревшатян С. Указ. соч.

и назначал наказание в зависимости от их статуса — азата или шинакана. Подобного разделения не было в каноническом праве греческих малоазийских Церквей.

Если же кто-либо до брака находился в блуде, будь то с посторонней или с нареченной, — взыскать штраф за бесчестие, сколько затребуют отец и мать девицы (как и повелел Моисей в законах). Если пожелает он ту же девицу взять себе в жены, сперва оба должны очиститься покаянием, и если будут венчаться, то их следует венчать не как девственных, а как двоебрачных, лишь перекрещиванием.

А если блуд имел место по воле девицы, то отца и мать девицы штрафовать не следует, но 100 драм штрафа взыскать с мужчины и 50 драм с девицы в пользу Церкви и раздать бедным¹¹.

Указанные каноны также отражают специфическое для условий армянской жизни середины V столетия понимание покаянной дисциплины, ставшей средством социального детерминирования члена церковной общины.

Если же один из них девственен, а другой блудил, непорочного благословить как девственного, а блудившему, как двоебрачному возложить на голову крестообразно сложенную иву, в знак победы над врагом, и впредь быть осторожным.

«Понтийский сборник» обходит молчанием нравственные ситуации, описанные в цитированном каноне Шахапиванского собора.

Последующие правила Шахапиванского собора, опубликованные, как уже было отмечено, на русском языке С. Аревшатяном, также в целом характеризуются подобным юридическим восприятием покаянной дисциплины и нравственной ответственности христианина. Законодатели завершали перечень правил нравственными наставлениями, в полной мере соответствующими стилю древнеармянской нравоучительной литературы, в частности этическим отступлениям Моисея Хоренского.

Законодатели писали:

Слушай, что говорят:

«И незнатное мира и уничиженное и ничего не значущее избрал Бог», и «Из брения возвышают нищего, сажая с вельможами, чтобы стыдно было надменным и могучим», «Ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце». И они взятками и пристрастием обесчещенных преступлениями и оскверненных в вере, как говорит Павел, избирают судьями Церкви ради пагубного серебра. Пусть будут прокляты дающие взятки как распинающие, что дали взятку страже, и как Симон волхв, что серебром и имуществом хотел получить от апостолов благодать Святого Духа. И берущие взятки пусть будут прокляты Богом. Имущество, что взяли они, пусть считается взяткой Иуды, что тот получил за предательство Господа, и пусть вдвойне возвращают. Но не смеют брать это

те, кто давал взятку вроде распинающих, которые купили землю, а пусть раздадут нуждающимся. И епископ или иерей, которые за такие дела будут брать взятки или что-либо из имущества согласно писанию, «Ибо дары ослепляют сердца властителей», и еще: «Не принимай даров против невинного», и «Правда за серебром волочится», пусть будут они прокляты всеми соборами и отстранены от власти и священничества. Взятка же пусть считается за краденное Гееза прокаженного; пусть проклятие пророка падет на него, ибо за невинного требуется кровь сильных. А достойных, поискав, разыщут. Слушайте пророка: «У которых в руках злодейство и которых правая рука полна здоимства». Дай им, Господи, по делам беззакония.

Если основание и верх прочные, то и средняя часть не на песке.

Если возница пьян, то как же будет двигаться колесница?

Если кормчий спит, то корабль скоро попадет в волнение.

Если пастух медлительный, то стадо станет поедать вредную траву, ибо если предводители закона устойчивы и правдивы, то тем более не оступятся подчиненные им.

И если основа недвижима, то и строение не будет повергнуто рекой.

Если пастырь храбр, то и стадо не будет съедено зверьми, если страж осмотрителен и бдящ, то войско будет в спокойствии и не будет изрублено.

Ибо вы, вардапеты, стражи народа, являетесь примером для мира; взирая на вас, взывают к учению вашему. Поэтому будьте прозорливы... Дабы местью законов и почитанием святых оставались здоровыми и невредимыми, дабы словом и делом мы нашли верных слуг Господа, дабы надеялись также на воздаяние благ от Господа-благодетеля и наследовали его милости бесконечные во веки веков. Аминь¹².

Сочетание права и нравоучительной дидактической риторики является достаточно типичной характеристикой правовых памятников восточных христианских народов, воспринимавших отдельные элементы греко-римского права, но при этом подвергавших их национальной творческой обработке.

Роль правил Шахапиванского собора в формировании свода канонов Армянской Апостольской Церкви помимо проблемы внутреннего соотношения с правилами «Понтийского сборника» ставит еще одну важную проблему: проблему влияния перевода правил греческих поместных соборов Малой Азии на их последующую рецепцию в армянском церковном праве. Как известно, главной научной загадкой текстологии древних армянских канонов является гипотеза об исторической реальности проведения поместного собора в Кесарии Каппадокийской, издавшего правила, приписанные затем частично Анкирскому собору (20–25) и примыкающие к правилам Неокесарийского собора¹³. Данная гипотеза основывается не только

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Акоюн В. Армянская книга канонов. Т. I. С. 168–176.

на армянской редакции этих правил. Как доказывал А. Мардиросян, выделение последних пяти правил Анкирского собора в отдельную группу и добавление к ним еще одного типично армянского канона является результатом редакторской работы позднего армянского канониста Хованнеса Майарогамец'и¹⁴.

Однако исследования в области латинской редакции указанных правил не позволяют столь определенно возлагать ответственность за появление в текстологии «правил Кесарийского собора» исключительно на армянского канониста. В частности:

1) древнейшие латинские списки правил Анкирского и Неокесарийского соборов, исследованные К. Турнером, объединяют правила двух соборов, именуя при этом в инципитах Неокесарийский собор Кесарийским собором. Списки редакций *isidoriana antiqua* и *isidoriana vulgata*: Петербургский кодекс собрания РНБ Ф.П. 3, датируемый VII в., Монахский кодекс 6243, датируемый VIII в., Веронский кодекс Библиотеки капитула, датируемый VI в., Вюрцбургский кодекс, датируемый IX в., содержат следующие инципиты правил Анкирского и Неокесарийского соборов: «*Incipit concilium siue synodus apud Ancuram [et] Caesaream. Conuenerunt autem in synodum memoratam Ancyrae [et] Caesareae hii quorum nomina et loca in greco sermon continentur*»¹⁵;

2) анализ содержания последних правил Анкирского собора (20–25) и первых четырех правил Неокесарийского собора свидетельствует об их одинаковом предназначении. Эти правила объединены между собой общностью проблематики и отличаются от других правил указанных соборов подчеркнутой краткостью: правила 20–25 Анкирского собора и правила 1–4 Неокесарийского собора посвящены каноническим санкциям за тяжкие нравственные прегрешения, к числу которых относятся блуд, прелюбодеяние, убийство и волхование;

3) подписные листы участников Анкирского и Неокесарийского соборов содержат четыре совпадения: Виталий Антиохийский, Луп Тарсийский, Василий Амасийский, Гераклий Зенонский участвовали в работе обоих соборов.

На основании изложенного можно выделить группу правил, изданных предположительно собором в Кесарии Каппадокийской, участники которого принимали были также на Анкирском и Неоке-

сарийском соборах. Ввиду близости этих областей (Галатии и Понта) и содержания правил указанные правила собора в Кесарии Каппадокийской могли быть инкорпорированы в списки правил более крупных соборов, созданных по соседству, при составлении «Понтийского сборника». Каппадокия граничила с Галатией, что теоретически позволяло поздним редакторам «Понтийского сборника» без особых затруднений объединить правила собора Кесарии Каппадокийской с правилами Анкирского собора, а также Неокесарийского собора, собравшего понтийских епископов.

Конечно, указанное предположение может встретить аргументированное возражение: латинские переводчики и переписчики могли просто исказить название Неокесарийского собора и ошибочно назвать его Кесарийским. Однако если принять подобное возражение, то следует признать, что трудившиеся намного позднее армянские переводчики и канонисты допустили аналогичную ошибку, произвольно выделив последние правила Анкирского собора в особую группу. Наличие одинаковой ошибки у канонистов, говоривших на различных языках, живших в разных странах и в разное время, маловероятно. Несравненно более вероятным представляется то, что в древнейшей греческой редакции канонов указанных соборов правила, изданные собором в Кесарии Каппадокийской, действительно выделялись в отдельную группу, однако в позднейших редакциях растворились в правилах Анкирского и Неокесарийского соборов. Предположение о том, что малоазийский поместный собор, который мог издать правила, включенные затем в состав правил Анкирского и Неокесарийского соборов, был созван в Кесарии Каппадокийской, подтверждается, в частности, наличием в списке участников Анкирского собора — собора архиереев Галатии — Агриколая, епископа Кесарии Каппадокийской. Очевидно, что подобная гипотеза остается предположением, она не может быть доказана на 100%, ибо основывается только на косвенных данных. Важную роль в ее подтверждении могло бы сыграть изучение сирийских списков правил «Понтийского сборника»¹⁶.

Поздняя переделка правил Анкирского собора вряд ли смогла бы привести к изобретению армянскими канонистами и вардапетами «мифического»

¹⁴ *Mardrossian A. Le Livre des canons arméniens de Yovhannes Awjneç'I, Eglise, droit et société en Arménie du IV-e au VIII-e siècle / Corpus scriptorium christianorum orientalium. Subsidia. T. 116. P. 541.*

¹⁵ *Turner C. Ecclesiae Occidentalis Monumenta Iuris Antiquissima. T. II. Pars I. 1907. P. 48;*(то же в редакции *Dionysii-Hadriana. P. 53.*

¹⁶ *Turner C. EOMIA. P. 32, 52–53.*

Кесарийского собора, к произвольному выделению последних правил Анкирского собора в отдельную группу и к увенчанию их соответствующим «фантастическим» титулом или инципитом. Методология составления канонических сборников, ставшая универсальной в древней Церкви, как, впрочем, и принципы развития средневековых письменных памятников в целом, предполагали как раз обратное. Практически все позднеантичные и средневековые канонисты-компиляторы, сознательно или нет, стремились объединять постановления отдельных соборов под одним общим титулом и приписывать правила более мелких соборов более крупным и значимым, а вовсе не придумывать отдельные соборы и *post factum* разбивать уже известный материал на дробные части. Примеры подобного объединения канонов, принадлежавших различным соборам, под одним титулом встречаются в источниках очень часто: достаточно вспомнить приведенный нами в монографии пример объединения правил Никейского и Сердикского соборов под одним титулом в рамках «Codex Vetus Romanus», объединение правил Карфагенских, Гиппонских, Милевских соборов

в единый кодекс в 419 г., атрибуцию «Statuta ecclesiae antiquae» соборным правилам и т.д. С этой точки зрения существование отдельных правил Кесарийского собора в армянской «Книге канонов» свидетельствует, скорее, об их подлинности и древности, чем о какой-либо «поздней переделке».

Восприятие армянским церковным правом V в. норм греко-римского права, первоначально исключительно церковного, в виде «Понтийского сборника», а также способность армянских епископов самостоятельно реагировать на изменения внешних условий существования Церкви, проявившаяся на Шахавиванском соборе, вне всякого сомнения, свидетельствуют о значительной степени взаимного культурного влияния эллинистического и армянского ареалов накануне нехалкидонитского раскола. В заключение остается высказать мысль о том, что взаимосвязанность древнейших памятников армянского церковного права с греко-римским не только свидетельствует о единстве древнехристианского предания и культурного наследия православных и армяно-григориан, но, возможно, открывает перспективы для церковного взаимодействия в современном мире.